

ЗАМЕЧАНИЕ НА «ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО г. ПОГОДИНУ» г. КОСТОМАРОВА

Г. Погодин, заговорив о разных предшествовавших диспуту его с г. Костомаровым переговорах и объяснениях, дает и другим лицам полное право рассказать публике, что они тогда говорили. Я хочу принести свою лепту в сокровищницу воспоминаний об этом достопамятном своей странностью явлении.

Г. Костомаров должен теперь видеть справедливость того мнения об ученых трудах и приемах г. Погодина, которое я ему выражал на словах во время совещаний о предполагаемом диспуте и еще раньше того при разных случаях, которое отчасти выразилось печатно в статье «Современника» о VII томе «Лекций» и т. д. г. Погодина, — статье, написанной, впрочем, не мною, — и с которым г. Костомаров имел ошибку не соглашаться¹. Надеемся, теперь он не имеет возможности оспаривать это мнение. Вот оно:

Ученые труды г. Погодина не имеют ровно никакого ученого значения, а между тем г. Погодин очень долго пользовался репутациею человека, оказавшего важные услуги русской истории, — так долго пользовался этою репутациею, что сам стал, наконец, верить, будто она по справедливости заслужена им. Когда человек, не имеющий заслуг, считает себя имеющим заслуги, он становится несносен тщеславием и наглостью. Человек тщеславный и наглый бывает неразборчив на средства. Г. Погодин обнаружил это свойство в своих будто ученых возражениях гг. Соловьеву и Кавелину², — возражениях, наполненных бранными выражениями и высокомерными назиданиями людям, уже и тогда далеко превосходившим его ученостью и учеными заслугами. Кроме высокомерных и бранных назиданий, его статьи против гг. Кавелина и Соловьева имели некоторые черты, встречаемые в особенном роде литературы, в котором столь усердно упражнялся в старину Булгарин³, а в недавнее время г. Ксенофонт Полевой, и к которому вообще был наклонен «Москвитянин» под редакциею господина Погодина в союзе с господином Шевыревым: тут были намеки на либерализм, на недостаток патриотизма, на неуважение к тому,

что должен уважать хороший гражданин, и т. д. Кроме своих ученых трудов, г. Погодин занимался публицистикою. Он описывал разные московские торжества, изображал добродетели разных важных московских и других российских сановников и г. Кокорева. Этою публицистикою приобрел он известность совершенно особенного рода, вовсе незавидную. Приемы, составлявшие увеселение читателей в его публицистических статьях, он переносил также в свои ученые труды, так что и они многими своими страницами пробуждали веселое чувство в немногих читавших ученые сочинения г. Погодина. Словом сказать, г. Погодин давно был известен как — положим хоть — как забавник.

Когда он сделал вызов на диспут, некоторые из людей, знакомых г. Костомарову, и в том числе я, убеждали г. Костомарова не принимать вызова. Я могу говорить только за себя и только о том, на что имею свидетелей, кроме Костомарова и самого себя; потому упомяну лишь о собрании у одного из профессоров здешнего университета, дня за два до собрания, бывшего у г. Калачова⁴: лица, находившиеся тут, могут припомнить, что я тогда говорил г. Костомарову. Я говорил вот что: «г. Погодин вызывает вас на шутовство. Он сам имеет такую репутацию, что уже не может ничем испортить ее; но человеку, пользующемуся уважением публики, каким пользуетесь вы, неудобно связываться с г. Погодиным: вы компрометируете себя через это и увидите, что г. Погодин принудит вас к объяснениям, очень неприятным для вас, человека, не любящего полемики даже и приличной, а не только такой, какую имеет обычай вести г. Погодин». Я смягчаю для печати выражения, которые употреблял тогда. Читатель может дополнить их воображением.

Г. Костомарову не угодно было тогда согласиться с людьми, старавшимися удержать его от появления перед публикою в обществе г. Погодина. Из оснований, мешавших ему, по его словам, отвергнуть вызов г. Погодина, только одно могло быть признано до некоторой степени справедливым; все остальные создавались только излишним желанием г. Костомарова ценить ученое достоинство даже и там, где его нет, а есть только бездарное труженичество. Он говорил, что нельзя пренебрегать г. Погодиным, как ученым, до такой степени, до какой довожу я мнение о нем. Это и некоторые другие возражения подобного рода не имели никакой действительной силы в моих глазах. Но нельзя было назвать неосновательным одного из соображений, приводившихся г. Костомаровым в оправдание решимости принять вызов г. Погодина. Г. Костомаров говорил: «если я откажусь, он станет разглашать, что я почувствовал свое бессилие спорить с ним». Это — правда; поступки г. Погодина после диспута, на котором он был решительно пристыжен, — не г. Костомаровым, нет, собственным своим невежеством, — доказывают, что он сделал бы именно так. Мне казалось, однако, что и это соображение не

имеет достаточной силы, чтобы перевесить неудобство вступать в дело с г. Погодиным для такого человека, как г. Костомаров. Мне казалось, что лучше бы для г. Костомарова снести самохвальство г. Погодина, нежели рисковать уважением публики, связываясь с таким компаньоном. Результат показал, что я ошибался. Уважение публики к г. Костомарову так велико, и он держал себя на диспуте с таким достоинством, что даже появление в товариществе с [гаером] не заставило публику смеяться над г. Костомаровым, как я того опасался. Но г. Костомаров, вероятно, сам чувствует теперь, что риск был очень велик.

Надобно сказать несколько слов и о самом диспуте. Я не такой знаток русской истории, чтобы брать на себя оценку тех относящихся к ней мнений, которые требуют специальных занятий для выражения согласия или несогласия с ними. Но убеждение, которое защищал г. Погодин, не принадлежит к числу таких мнений. Кто имеет хотя малейшее понятие о сравнительной филологии и о законах исторической критики, видит совершенную нелепость доказательств, которыми старые ученые подтверждали норманство Руси. Во времена Шлёцера еще не было ни Гримма, ни Боппа с их сподвижниками, и Шлёцеру натурально было делать филологические промахи, какие находим у него⁵. Но теперь повторять подобные вещи может только невежда. Я не был высокого мнения об учености г. Погодина, но, признаюсь, никак не ожидал от него таких поразительных наивностей, какими угощал он нас на диспуте: «ведь он с г. Шевыревым перевел грамматику Добровского⁶, думал я, — стало быть, должен иметь хотя какое-нибудь понятие о филологических приемах». Он превзошел все мои ожидания: после того, что я слышал на диспуте, для меня становится непостижимо, каким же образом мог г. Погодин быть переводчиком грамматики Добровского? Я решительно не умею отвечать себе на этот вопрос. Быть может, кто-нибудь из людей, бывших студентами Московского университета во время издания этого перевода, разъяснит нам загадку. Я имел случай видеть турецко-татарскую грамматику, переведенную с французского студентом одного из наших университетов и носящую на заглавном листе на русском языке имя профессора того же русского университета. Но этот профессор имел, по крайней мере, добросовестность объяснить настоящий ход дела в предисловии книги, которую издал под своим именем.

Не менее филологических подвигов были замечательны исторические понятия, обнаруженные г. Погодиным. Ольга гордо держала себя при константинопольском дворе, потому она была норманка; Олег плавал по морю на лодках, потому был нормани. Я не понимаю одного: каким образом г. Костомаров мог продолжать спорить с человеком, удивившим нас такими диковинными заключениями? Я на его месте сказал бы после этих слов г. Погодина: «Милостивый государь! спорить мне с вами об истори-

ческих вопросах так же неуместно и неприлично, как неприлично и неуместно было бы какому-нибудь ориенталисту спорить со мною о синтаксических правилах сиамского языка. Поэтому я принужден кончить диспут». Г. Костомаров не сказал этого и теперь подвергся совершенно заслуженной неприятности печатать полемические объяснения.

Очень может быть, что г. Костомаров найдет это мое мнение о г. Погодине слишком жестким; очень может быть, что он будет недоволен таким суждением об авторе неполного и неверного алфавитного указателя к Русским Летописям, изданного под именем «Лекций и т. д. о русской истории», — ведь выражал же он мне свое неудовольствие за статью «Современника» о седьмом томе лекций г. Погодина, говоря, что г. Погодин заслуживал некоторого уважения (впрочем, я и сам недоволен этою статьею, только с другой стороны: она еще слишком мягка). Но если я навлеку на себя неудовольствие г. Костомарова, то не огорчусь этим, потому что неправ будет он.

Из дела г. Погодина с г. Костомаровым выводится одно заключение, полезностью своей искупающее всю странность диспута, на который согласился г. Костомаров по ошибочному уважению к г. Погодину: пора нам деятельнее прежнего приняться за перетряску хлама многих ученых и других наших знаменитостей, чтобы всем стало видно, что это именно хлам, ничего не стоящий, ни к чему не годный, и чтобы не мешал этот хлам деятельности тех немногих хороших ученых, которых, к счастью, мы уже имеем. Пора нам, наконец, разделаться с пустыми репутациями, мешающими нам сосредоточивать наше внимание исключительно на мнениях дельных людей.